

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО **ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ**

РАЗБОРКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС, МОСКВА 2017 ГОД

Рэкетіры

Илья Деревянко

Разборка

«СИЛК-ПРЕСС»

1995

Деревянко И.

Разборка / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС»,
1995 — (Рэкетеры)

«Пустынное ночное шоссе едва освещалось редкими фонарями. Накапывал противный мелкий дождик. Машина осторожно пробиралась вперед, обходя залитые водой и грязью выбоины в асфальте. За рулем сидел Малюта. Грач лениво развалился на переднем сиденье, покуривая сигарету. Он постоянно задремывал и не сразу заметил, как пепел упал на штаны. Грач тихо выругался, выбрасывая окурок в окно...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Илья Дервянко

Разборка

Глава первая

Пустынное ночное шоссе едва освещалось редкими фонарями. Накрапывал противный мелкий дождик. Машина осторожно пробиралась вперед, обходя залитые водой и грязью выбоины в асфальте. За рулем сидел Малюта. Грач лениво развалился на переднем сиденье, покуривая сигарету. Он постоянно задремывал и не сразу заметил, как пепел упал на штаны. Грач тихо выругался, выбрасывая окурок в окно.

– Слышь, Пашка, – обратился он к товарищу, – долго еще мы тут мудохаться будем?!

– Садись за руль сам, – огрызнулся тот, – не видишь, какая дорога?!

Грач с Малютой были старыми друзьями и никогда не ссорились, просто они до предела вымотались, выполняя очередное поручение Славика. Вот нервы и натянулись, как гитарные струны. Поручение, на первый взгляд проще простого, оказалось исключительно сложным. Некий коммерсант, не в меру хитрый и самоуверенный, задолжал другому представителю российской буржуазии огромную сумму. Отдавать же не собирался, нагло посылая кредитора куда подальше. Такое случалось сплошь и рядом, казалось бы, «хрен с ними», с торгашами бессовестными, но облапошенный бизнесмен находился «под крышей» Северной бригады города Н-ска, которую возглавлял Славик и где работали Малюта с Грачом. Бизнесмен добросовестно платил дань – не то что некоторые жлобы, которые вечно крутятся словно ужи на вилах. Пока ничего не случится – денег не платят, зачем зря тратиться, раз все спокойно? Скулят – «дела плохо идут, обнищали, дескать, кушать нечего». Но когда припрет – прибегают все в соплях, в ножки падают: «Помогите, господа бандиты, пропадаем!» Этот же бизнесмен сотрудничал честно. Раз так, то и с ним поступили честно. Славик, он же Вячеслав Савицкий, лично позвонил паршивцу, предупредил. Тот побожился: «Все будет в порядке, через три дня верну долг». Прождали неделю – он даже не почесался. Тогда Савицкий вызвал Малюту с Грачом и дал четкую инструкцию:

– Для начала набить морду вполсилы, вот адрес офиса, вот домашний.

Славик поддерживал среди своих жесткую дисциплину, поэтому все его приказы выполнялись беспрекословно. Набить так набить, айда, братан! Ехали в приподнятом настроении: сейчас быстренько обтяпаем дельце, потом расслабимся в кабаке.

Когда прибыли к офису, выяснилось, что он доверху нашпигован милицией. Ах, до чего хитрый коммерсант, но и дурак вместе с тем.

Четыре дня «пасли» его по городу, постепенно накаляясь злобой, наконец отловили в глухом местечке. Сломали ребра, челюсть, отшибли почки, перебили ломиками ноги. Затем, оттащив подальше, чтобы не подох раньше времени, – взорвали машину. Грохот взрыва привлек внимание общественности. Едва отъехали – налетел ОМОН. Он-то и доставил полуживого буржуа в больницу.

Неприятности на этом не прекратились. По пути домой – три раза тормозили гаишники, обнюхивали машину со всех сторон. Ну что тебе надо, командир? Оружия нет, документы в порядке. Морда подозрительная? Извини, таким родился!

По этой причине Грач с Малютой и кипели раздражением, даже между собой едва не полаялись. Первым опомнился Грач:

– Ладно, Пашка, сам понимаешь, проклятый барыга с мусорами всю психику издергали!

Между тем машина хоть медленно, но продвигалась вперед. За мутными окнами показались очертания родного района. Дождь усилился, снизив почти до нуля и без того парши-

вую видимость. Малюта пытался рассеять темноту мощным светом фар. Вдруг машина резко затормозила.

– Твою мать! Прямо посреди дороги стоят, придурки! Едва не задавил!

В центре мокрого шоссе, широко расставив ноги, устроились четыре крепкие фигуры в блестящих от дождя кожаных куртках. Малюта просигналил – «придурки» не шелохнулись, тогда разъяренный Грач выскочил наружу...

Парни, стоящие посреди дороги, работали в бригаде Кадиева. Алексей Кадиев, он же Кадий, был уроженцем далекого северного города, где в прежние времена также имел собственную банду. Что-то Кадий натворил там, что именно – никто точно не знал. Но оказался он в крайне неприятной ситуации, настолько неприятной, что Кадия полдня до смерти оставалось. Его родной город был окружен плотным кольцом зон, а населен по большей части выходцами из них. Поэтому пришлось Алексею вместе с ближайшими друзьями срочно «делать ноги», да как можно дальше. Обосновавшись в Н-ске, он с удвоенным рвением взялся за прежнее ремесло. Рядовых боевиков набрали здесь же.

Среди ребят, стоявших на дороге, трое были из местных, а один – «старый кадиевец». В отличие от Грача с Малютой, кадиевцы ехали не с работы, а пребывали в глухом загуле. По возвращении из очередного кабака сломалась машина. Чинить ее в пьяном виде да под дождем не представлялось возможным. Ребята решили ловить частника, однако шоссе словно вымерло. Под влиянием винных паров, промокнув до нитки, они отнюдь не испытывали любви к окружающему миру.

– Говорил же я вам, как нужно «возил» тормозить, – пробурчал старший из них, по кличке Енот, заметив остановившуюся машину.

– Мокнешь тут, мокнешь, а гадам до лампочки! Вот что, – Енота внезапно осенила, как ему показалось, «гениальная» идея. – Давай их вообще из тачки выкинем!

Это предложение вызвало у остальной компании бурный восторг.

Сказано – сделано.

– Эй, ты! – услышал Грач, который узнал кадиевских и уже хотел предложить их подвезти. – Выматывайся из машины, пока цел!

Тут нервы Грача, без того натянутые до предела, лопнули. Коротким боковым ударом, а был Грач профессиональным боксером, он снес челюсть Еноту. Тяжелое тело шлепнулось в грязь. Остальные бросились на Грача. Тогда из машины выскочил Малюта. Он прекрасно владел рукопашным боем. Вдвоем друзья быстро разделались с пьяными противниками, после чего, возмущенные столь беспрецедентной наглостью, как следует попинали ногами распротертые тела. Когда злость несколько утихла, они уселись в машину и укатили. Нужно было доложить шефу об успешно исполненном наказании обнаглевшего коммерсанта.

* * *

Сегодня Вячеслав Савицкий, по кличке Сава, по иронии злой судьбы также пребывал в омерзительном настроении. Он одиноко сидел у себя на кухне, глядя в окно. Жена выкинула очередной фортель и, визгливо причитая, в который раз убежала к теще, прихватив с собой ребенка. Перед этим Славику пришлось выслушивать обычный набор ругани:

– Бандит, урка... Дура я, что с тобой связалась... юность погубила... Посмотри на себя... кроме уголовщины, ни на что не способен.

Все это Оля выкрикивала, оживленно размахивая руками, сверкавшими золотом и бриллиантами, которые, кстати, были куплены на его, бандитские, деньги. Вообще, когда речь заходила о деньгах, жена не попрекала Славику работой, тратила их без зазрения совести, немало не смущаясь, что они «нечистые». Но в других случаях никогда не упускала возможности изоб-

разить «святую непорочность», ткнуть Грача носом в грязь, показать свое моральное превосходство.

За окном монотонно барабанил дождь. Сквозь запотевшее стекло виднелся глухой переулочек с высоким деревянным забором детского сада. Голова горела. Как всегда в таких случаях, зудел шрам на животе. Шраму было около года, но он постоянно напоминал о себе, чесался, ныл, иногда болью скручивало весь живот, откуда удалили значительную часть кишок. Момент, когда Савицкий открыл дверь, встречая друга, который, как казалось, пришел мириться, стал переломным в его жизни.

– Привет! – обрадовался он тогда. – Заходи!

Но цыган в ответ лишь хищно усмехнулся, и острая сталь разорвала тело. Славик успел вытолкнуть цыгана за дверь, хватило сил доползти до телефона, вызвать помощь. Три дня боролись врачи за его жизнь. Савицкий выжил, но на спорте, столь любимом с детства, пришлось поставить крест. Характер тоже изменился. Раньше добродушный, веселый – теперь он сделался мрачным, замкнутым, перестал доверять людям. Раскрываешь им объятия, а они тебе пером в бок.

Немного подумав, Савицкий достал из загашника спичечный коробок с зеленоватым порошком. Выпотрошив «беломорину», перемешал наркотик с табаком, набил «косяк». Последние месяцы он пристрастился к анаше. Она притупляла боль, успокаивала на время расшатанные нервы. Сейчас Славик с удовольствием бы напился, но не мог себе этого позволить. Во-первых, из-за покалеченного живота, во-вторых, из-за болтавшейся в сердечном мешочке малокалиберной пули. Здесь, к слову сказать, врачи были ни при чем, подвела собственная глупость. Когда Славика принесли кустарно сделанную ручку, стреляющую малокалиберным патроном, он почему-то ужасно обрадовался. Вертел ее, крутил, забавляясь, будто ребенок с новой игрушкой. Потом послышалось приглушенное «ба-х-х», и он потерял сознание. Очнулся в больнице. Пуля попала прямо в сердце, но не убила, и болталась там, словно горошина в погрешке.

От операции Савицкий отказался: болтается и болтается, есть не просит, начнут же оперировать – вовсе зарежут...

Сизый дым «косяка» жирными кольцами плавал по красиво отделанной кухне, освещенной красноватым светильником. Накануне свадьбы с Ольгой Славик сам ремонтировал квартиру, не доверяя никому обустройство своего семейного гнездышка. Дообустраивался!!! Не гнездышко нужно было готовить, а змеиную нору!

Жена забирала больше энергии, чем все зловредные конкуренты с ментами в придачу!

Вопреки ожиданиям, наркотик не успокоил, только подогрел клочкотавшее внутри глухое раздражение. Савицкий прижался горячим лбом к холодному стеклу. Дождь шел не переставая, черный асфальт зловеще поблескивал в слабом свете уличного фонаря.

Послышался звонок в дверь. Пришли Малюта с Грачом.

– Наконец-то, – криво усмехнулся Славик, указывая ребятам на кожаный диванчик в углу. – Присаживайтесь, рассказывайте!

Внимательно выслушав, нахмурился.

– ОМОН, значит, сразу прилетел? Х-м, с чего бы это так быстро?!

По правде сказать, омовцы оказались в том районе совершенно случайно. Ума и щедрости коммерсанта хватило только на обычную милицейскую охрану. Но, как мы уже говорили, – за последние годы Савицкий стал чрезмерно подозрителен.

– Что за бизнесмен пошел! – продолжал кипятиться Славик. – Ни стыда, ни совести. Захапает чужие лавы, и шлет всех куда подальше. А закон, видите ли, на его стороне. Попробуй получить у него свои кровные! «Бандит! Рэкетир! Хватай его, бей прикладами!» Пи-до-расы!!!

Нервно скомкав окурочек «косяка», он швырнул его на пол.

– Ладно, – немного успокоился Савицкий, – извините, братва, плохо мне сегодня, а вы – молодцы, хорошо поработали! Ну, что там у вас еще!.. Так-так, – по мере того, как Грач рассказывал об инциденте на дороге, Савицкий все больше хмурился.

– Говоришь, они вас узнали? И все равно хотели забрать машину?! Так-так...

В душе Славика бушевал тайфун ярости. Кадиев давно ему не нравился: вызывали отвращение хитрые глаза, скользкие манеры, чрезмерная любовь к «мокрухе». Из-за таких, как он, беспредельщиков, газеты вопят о невиданном разгуле преступности. Савицкий не любил крови, проливая ее в крайних случаях: защищая свою жизнь или из мести. Вурдалачьи повадки Кадия ему не нравились, да и упорные слухи об истинных причинах бегства из родного города выставляли личность Кадиева в малоприятном свете. До сих пор Славик с ним не сталкивался. Живет себе, и пусть живет. Главное, чтобы на нашу территорию не совался. Но, видать, обнаглел, падло! Решил, раз его тут не трогают, можно вести себя как заблагорассудится. Необходимо проучить наглеца!

– Значит, узнали вас, но намерений своих не оставили! – хрипло сказал Славик. Глаза его загорелись волчьим огнем. – Что вы им за это сделали?

Он внимательно выслушал длинное хвастливое повествование о разбитых мордах, выбитых зубах. Время от времени Славик одобрительно, как казалось, кивал, отчего Малюта с Грачом в конце концов расцвели, словно майские розы.

– Хоть не убили? – когда рассказ подошел к концу, поинтересовался он.

– Нет, что ты!

– Почему?!

Столь резкая смена настроения шефа совершенно выбила ребят из колеи. Они что-то залепетали оправдательное, но Савицкий не слушал.

– Я научу эту сволочь уважать меня! Покажу, кто здесь хозяин! Обнаглели, пидоры, у моих людей, как у последних лохов, хотели машину забрать? Ненавижу!!!

Все раздражение, вся душевная боль и обида, накопившиеся внутри, вмиг выплеснулись наружу. Немалую роль сыграл также наркотик, отключивший все тормоза.

– В машину, живо! – зарычал Славик и первым ринулся к дверям.

* * *

Между тем кадиевцы, с трудом очухавшись, рассматривали свои увечья. Досталось им неплохо. Еноту сломали челюсть, другим пришлось расстаться с частью зубов, молодому Колюне перебили переносицу.

– Теперь ты настоящим боксером выглядишь! – уныло пошутил его приятель Витя, но никто не засмеялся. Окровавленные, перемазанные с головы до ног грязью, они представляли жалкое зрелище. Машин на дороге по-прежнему не было. Серая дождливая мгла засасывала в себя, создавала ощущение безысходности. – Какого хрена мы борзели? – сплевывая кровь, сказал Витя. – Ведь сразу же увидели, что это Савицкого пацаны! – Ответа на данный вопрос не нашлось. Остальные сами не понимали, почему так получилось. Обе банды жили в мире, не дружили, но и не ссорились. Очевидно, виной всему были хмель да плохая погода. Енот потрогал сломанную челюсть и слабо охнул. Теперь как пить дать целый месяц придется манной кашкой питаться! Впрочем, обижаться не на кого. Сами виноваты. Действительно маразм – пытаться отнять машину у своего коллеги-бандита!

Послышался рев мотора, и черный «БМВ» Савицкого резко затормозил рядом, окатив всех мокрой грязью. Первым из машины выбрался Славик, поигрывающий тяжелой резиновой дубинкой. Следом вышли Грач с Малютой.

– Оборзели, падлы! – прошипел Славик, с ненавистью разглядывая кадиевских. – Забыли, кто хозяин в районе! Думаете, Савицкий добрый, на голову срать позволит?!

Енот попытался объяснить, но мешала сломанная челюсть. Вместо слов у него вырывались только хрип и бульканье. Впрочем, Славик не собирался выслушивать оправданий. Гнев затуманил голову. «Лохом считают, обнаглели», – металась в голове яростная мысль.

– Что хрипишь, педрила?! – обернулся он к Еноту. – Хочешь, опетушим зараз?!

Здесь он явно перебарщивал, за подобное оскорбление можно было жестоко поплатиться. Однако в настоящий момент Савицкому было глубоко наплевать на все и вся.

– Ответишь за базар! – переборов боль в челюсти, злобно прохрипел Енот.

– Что? Это говно рот разевает?

«Хлесь» – резиновая дубинка вонзилась в лицо Енота, превращая его в кровавую кашу. «Хрясь» – и ключица треснула, словно сухая ветка. «Бам-м» – третий удар в висок погрузил бандита в пучину беспамьятства. В это время Малюта с Грачом обрабатывали остальных. Колюня, еще раньше получивший сотрясение мозга, отключился сразу, выпав таким образом из поля зрения карателей. Больше всех перепало Вите, пытавшемуся сопротивляться. Рассвирепевший Грач лупил его, словно тренировочную грушу, вкладывая в удары всю злобу, накопившуюся за последние дни. Брызгала кровь, трещали, ломаясь, ребра. Витя давно потерял сознание, но упасть не мог, поскольку был плотно прижат к бетонному забору заброшенного заводика. Наконец, Грач, осознав, что лупцует бесчувственное тело, отошел в сторону. Его жертва бесформенной грудой обрушилась в грязь. В это время Малюта, так же, как и его товарищи, потерявший голову от бешенства, бил доставшегося на его долю кадиевца лицом о капот машины.

– Все, хватит! – резко крикнул Славик. Он опомнился первым и теперь с отвращением созерцал дело рук своих.

– Ну ты же хотел убить? – удивился тугодумистый Грач.

– Дурак, шуток не понимаешь! Посмотри лучше, как они там!

Добросовестный Малюта внимательно оглядел поверженных противников, пощупал пульс.

– Все живы, – бесстрастно доложил он, – но двое в очень плохом состоянии.

– Понятно! – нахмурился Савицкий, забрался в машину и по радиотелефону вызвал «скорую помощь». Когда на горизонте появились слабые огни санитарной машины, черный «БМВ» бесследно скрылся в ближайшем переулке.

* * *

– О, Боже, мальчики, кто вас так изувечил? – испуганно причитала хорошенькая медсестра в приемном покое больницы.

Енот с трудом разлепил заплывшие глаза и криво усмехнулся одной стороной рта.

– Собаки дикие покусали, – прохрипел он, теряя сознание.

Глава вторая

Алексей Кадиев расслаблялся. Как следует пропотев в парилке и искупавшись в бассейне, он лежал сейчас на кожаном диване в комнате отдыха, и крашенная под блондинку проститутка усердно делала ему минет. В одной руке Кадий держал сигарету, в другой банку пива. Глоток – затяжка, глоток – затяжка.

– Активнее языком, – подбодрил он девицу, – а то я до утра не кончу!

Тяжело дыша, девица постаралась ускорить процесс.

В этот вечер она обслуживала уже шестого клиента и здорово устала. Язык, от которого требовали «активности», словно налился свинцом. Однако, зная характер Алексея, она даже не пыталась возмущаться. Только пикни – затушит окурочок о грудь и выгонит голой на улицу. Такое однажды было с ее подружкой.

Кадий обвел глазами помещение. Всего проституток пришло трое. Одну утащил в бассейн Валера, вторую трахал Седой, третья была с ним. Глядя на Седого, Кадий вдруг захотел именно его бабу. Такая уж у Алексея была натура, свое никогда не устраивало, зато чужое (до тех пор, пока не стало своим) казалось на редкость привлекательным. Вот и сейчас он с завистью смотрел на широко раздвинутые, поднятые вверх ноги девушки, которые непроизвольно дергались в такт движениям партнера.

Седому досталась худая – Кадия с пышными формами. Поэтому в настоящий момент он желал именно худую, хоть, получишь наоборот, – захотел бы непременно пышную.

– Слышь, Седой, давай махнемся! – предложил он товарищу. Тот не стал возражать, ему было все равно, кого трахать.

Молча кивнув, он отдал свою девицу и навалился на предложенную взамен.

Кадий поставил девушку на колени, нажимом руки прогнул спину и с силой вогнал ей член в задний проход. Девушка закричала от боли. Кадиев довольно улыбнулся. Он любил причинять боль, в том числе во время полового акта. По сути дела, Алексей являлся обыкновенным садистом, хотя не сознавал этого. Болезненные стоны девчонки усиливали возбуждение. Оргазм наступил быстро. Оттолкнув в сторону всхлипывающую проститутку, Алексей направился к бассейну. Собственно, в сауне их было два: большой и маленький. Большой, с теплой водой, чтобы покупаться в свое удовольствие, маленький, с ледяной, освежиться после парилки.

В большом бассейне Валера старательно трахал свою девицу. То ли с перепоя, то ли от усталости она отключилась. Голова безвольно болталась из стороны в сторону, время от времени скрываясь под водой.

– Смотри, чтобы не захлебнулась, – лениво посоветовал Кадий. – Потом хлопот не оберешься!

– Ничего с ней не сделается, – огрызнулся Валера. – Дай кончить, не мешай!

Пожав плечами, Алексей зашел в парилку. Плеснул на раскаленные камни ковшик разбавленной пивом воды и забрался на верхнюю полку, с наслаждением вдыхая запах хмеля. На коже мелкими бисеринками начал проступать пот. Тело расслабилось. Кадий подумал, что неделя прошла удачно. Во-первых, две новые тачки прикрутили, подкупили нужного мента, а самое главное, пришили Корейца. Кореец являлся земляком Кадия, самым опасным из его былых врагов. Нет, среди них были, конечно, ребята посерьезнее, но, как говорится, иных уж нет, а те уже далече. (Надо сказать, что Кадий хорошо усвоил школьную программу, чуть ли не отличником считался.)

Кто-то умер, кого-то посадили. Из «воров», приговоривших его к смерти, остался один Кореец. До сих пор Кадий жил, словно на вулкане, каждую минуту готовясь увидеть блеск ножа или услышать грохот выстрела. Но далекие северные «воры», вопреки обыкновению,

проявили непростительную беспечность: «смотался, падло, ну и пес с ним, когда-нибудь разыщем, а сейчас других дел хватает, более насущных». Правильно говорят, измельчали «воры», обленились, зажрались! Пока «воры» занимались «более насущными проблемами» – Кадий не дремал. Троиخ уничтожили посланные им киллеры, двое ухитрились сесть в тюрьму, а Кореец, наконец, сообразивший, откуда ветер дует, отправил в Н-ск боевиков, приводить в исполнение давно вынесенный приговор. Боевики домой не вернулись, а Кореяца застрелили в упор, когда под руку с любовницей он выходил из ресторана. Теперь Алексей мог спать спокойно. При этой мысли он довольно потер ладони. Пока Кадий размышлял – тело хорошо прогрелось, из раскрывшихся пор обильно потек пот. Выскочив наружу, Алексей с радостным визгом плюхнулся в ледяной бассейн. Затем на мгновение зашел в парилку, чуть-чуть отогреться, чтобы не прихватил проклятый радикулит, и вышел снова.

Валера, наконец достигший желаемого результата, сидел на краю большого бассейна, посасывая пиво из банки. Девушка, которая все же не утонула, стояла рядом с ним на четвереньках, мучительно отхаркивая залившуюся в легкие воду.

– Ну ты, сука, пол не пакости! – резко окликнул ее Кадий. – И вообще валите отсюда, сеанс закончен. Деньги получите у Седого.

Избавившись от надоевших шлюх, вся троица уютно устроилась в комнате отдыха за накрытым столом. Банщик Василий постарался на славу. В ведерке со льдом нежились три бутылки русской водки «экспортного варианта», рядом выстроились запотевшие банки пива, манили к себе щедро нарезанные ломти семги, на двух блюдах чернела и пламенела икра разных сортов (кто какую больше любит). Шашлык из молодого барашка расточал восхитительный аромат.

– Давай, братва, по первой, – сказал Кадиев, разливая водку в стаканы, – за упокой души нашего кореша – Кореяца. Гы-гы-гы...

* * *

В больнице первым пришел в себя Колюня, который пострадал меньше других. Поначалу он не сразу уяснил, где находится. Дико болела голова, перед глазами вспыхивали оранжевые искры. В помещении, куда он попал, было темно. Кряхтя и охая, парень сел на жалобно скрипнувшую койку. Когда глаза привыкли к темноте, он понял, что это больничная палата. На соседних кроватях храпели, стонали и рычали во сне человек семь больных. Воздух был густо насыщен тяжелым запахом лекарств, несвежего белья, а также еще чем-то на редкость неприятным. Некоторое время он сидел, припоминая случившееся, но мысли путались, воспоминания были какие-то отрывочные, неполные. Вот они гуляют в кабаке, пьют коньяк, горланят песни. Енот кидает крупные купюры оркестру, заказывает «таганку». Затем он же, пригорюнившись, вспоминает зону, кореша Петьку, умершего от туберкулеза в лагерной больничке. Все четверо ругаются в полный голос, проклиная подлых ментов. Какой-то чудаковатый в очках делает им замечание (откуда взялся, народ теперь тише воды, ниже травы). Обнаглевшего очкарика выводят в туалет, дают раз по очкам, суют носом в унитаз, – при этом воспоминании Колюня тихо засмеялся. Униженный очкарик жалобно просит прощения, оказывается, он хотел показать себя мужчиной перед женой. Развеселившиеся бандиты великодушно его милуют, наградив на прощание смачным пинком под зад. Затем Колюня танцует с подвыпившей девушкой в короткой юбке, шарит у нее под блузкой. Девушка хихикает. Ее ухажер делает вид, будто ничего не замечает, и заливает тоску водкой. Девушка оказывается явной потаскухой. Колюня выводит ее на улицу и трахает прямо в машине. На прощание дает двадцать долларов. Довольна? Теперь проваливай, шалава! Снова зал ресторана. Окосевший Витя блюет на пол. Халдеи благодарно помалкивают, боятся гады! Так, теперь все садятся в машину, едут домой. Мотор ломается. Пьяный Енот пытается починить, но без толку! Единодушно решают ловить «частника».

Дороги пустынные, ребята постепенно звереют. Наконец появляется какая-то тачка. Разъяренный Енот предлагает забрать машину себе, а лохов выкинуть. Пусть помокнут, как они до этого! Дальше... А дальше – словно отрезало, сплошной мрак, озаряемый вспышками боли...

Внезапно Колюня почувствовал, что безумно хочет курить. Пошатываясь на ватных ногах, он выбрался из палаты. Дежурная медсестра спала, уткнувшись носом в стол и как-то странно похрапывая. Полуосвещенный коридор был безлюден, но из курилки, расположенной в дальнем его конце, доносились приглушенные мужские голоса, тянуло манящим запахом табачного дыма. Держась за стены, Колюня побрел туда. Мужчин в курилке оказалось трое: старик на костылях с загипсованной ногой, коренастый работяга с мозолистыми руками и худой очкастый парень, очень похожий на студента.

– Эк тебя, сынок! – поразился старик. – Ты что, с крыши упал?

– С самолета, – буркнул Колюня.

Все засмеялись.

– Закуривай! – радушно предложил работяга, протягивая пачку «Астры».

Колюня предпочитал «Мальборо», но дареному коню в зубы не смотрят, тем более что своих не было, остались в машине. Сухо поблагодарив, он взял сигарету, присел на лавочку в углу. Вонючий едкий дым обжег горло и легкие. Парень закашлялся, но все равно продолжал жадно затягиваться. Голова немного прояснилась. Стали вспоминаться подробности: огромный кулак, врезающийся в переносицу, падение в грязь. Унылая шутка Витька насчет внешности настоящего боксера. Зловещий черный «БМВ», вынырнувший из темноты. Разъяренный Савицкий с горящими, будто у тигра, глазами. Резиновая дубинка, разбивающая лицо Енота. Ринувшийся на него, Колюню, мордovorот – Малюта, кажется, его кликуха! Резкий удар, боль, темнота. Все ясно!

– Мужики, не знаете, где остальные ребята, с которыми меня привезли? – спросил он.

– Двое в реанимации, очень плохи, – ответил «студент». – Если ты упал с самолета, то они не иначе как со спутника. Третий, постарше, в десятой палате вместе со мной.

– Проводи меня к нему, – попросил Колюня.

– Ладно, докурю вот только.

Енот чувствовал себя отвратительно. Ныла сломанная челюсть, гудела голова, забинтованная почти целиком, так что оставались лишь щелки для глаз и рта. Переломанный нос не дышал, поэтому он не чувствовал противного больничного запаха. Но помимо запаха имелось немало других проблем: в ушах стоял непрерывный колокольный звон, к горлу то и дело подкатывала тошнота. Енот, в отличие от Колюни не страдавший потерей памяти, напряженно размышлял и, чем больше он это делал, тем поганее становилось на душе. По сути, первоначальным виновником случившегося был он сам: нарушил нейтралитет между двумя бандами, хотел забрать у пацанов машину, хотя сразу понял – кто они. Если будет разборка – Енот крайним окажется. Он зябко поежился. Быть крайним при столкновении двух сильных банд – одна из самых неприятных вещей, которая может случиться с человеком. Получишь и от тех и от этих, хорошо еще, если живым оставят. С другой стороны, Савицкий тоже не беспредельничал. Ну, дали сгоряча в морду, и хватит, никто бы потом слова не сказал. Так нет, еще раз вернулись, чтобы поглумиться, втоптать в грязь. Славик педрилой обозвал, обещал опетушить. Интересно, что Кадий по этому поводу скажет?

Енот увидел склонившийся над ним темный силуэт, в котором с трудом распознал Колюню. Лицо пацана раздулось багровыми кровоподтеками, нос превратился в лепешку. – Что тебе? – прохрипел Енот. – Где остальные?

– Витька с Лехой в реанимации, говорят, очень плохи. Я пришел спросить, что делать?

Енот некоторое время размышлял.

– Дозвонись до Кадия, – наконец промолвил он. – Расскажи все, как было: остановили машину ребят Савицкого, я их не узнал в темноте, думал, обычные лохи. Они же сразу в драку.

Потом вернулись, добились. Мы были в лоскуты пьяные, какие из нас бойцы?! Скажи, двое ребят в реанимации, а Савицкий педрилами обзывал, грозился опетушить. Все понял? Давай!

Енот прикрыл глаза. Хорошо он все-таки придумал. Маленькая, совершенно незаметная добавка лжи выставляла случившееся в совершенно ином свете.

Колюня добрал до телефона, расположенного на столике дежурной медсестры. Она к этому времени проснулась и сладко потягивалась, похрустывая суставами. Медсестра была средних лет и средней внешности, не сказать, что урод, но далеко не красавица. Единственным ее достоинством являлась высокая упругая грудь, буквально распиравшая тесный халатик.

– Можно позвонить? – хрипло попросил Колюня.

– Не положено! – автоматически ответила медсестра, зевая во весь рот.

– Ну пожалуйста, солнышко!

Женщина с интересом посмотрела на парня. Лицо изуродовано, на бритой голове повязка, очевидно, кожа рассечена при падении. Но фигура! Рост под метр девяносто, литые мышцы, которые не могла скрыть даже выдавшая виды больничная пижама. Три верхние пуговицы расстегнулись, обнажая загорелую мускулистую грудь.

Света, так звали медсестру, уже три года как развелась с мужем. Имела, конечно, любовников время от времени, но нормальные мужики попадались редко. Большею частью всякая пьянь. Водку жрать горазды, а дойдет до дела – никуда не годятся. Она ощутила зудящий жар внизу живота.

– Пожалуйста, кисонька, очень нужно! – льстиво повторил Колюня.

– Ладно, звони, только аккуратно, чтобы дежурный врач не заметил.

Колюня не заставил себя долго упрашивать. Набрал номер Кадия, он напряженно вслушивался в длинные гудки. К телефону никто не подходил. Наверное, нет дома. Обзвонив нескольких друзей, парень наконец узнал, что Алексей зависает в сауне. Кадий снял трубку только после двадцатого гудка.

– Ну чего тебе, – ворчливо спросил он, – не спится?

Колюня вкратце рассказал о недавних событиях. Выслушав, Кадиев долго молчал.

– Так! – наконец яростно прошипел он. – Я предвидел, что подобное когда-нибудь случится. Ладно, разберемся! Иди, отдыхай, – в трубке послышались короткие гудки.

Света не слушала их разговор, думая о своем. Ей очень не хотелось, чтобы аполлонистый парень уходил.

– Беденький, как тебе досталось! – ласково пропела она, придерживая Колюню за рукав пижамы. – Нужно расслабиться?

– А? Что? – машинально спросил Колюня, размышлявший в этот момент о своих проблемах.

– Спирту неплохо выпить! Боль оттянет!

– Где ж его взять?!

– У меня есть немного, – хихикнула медсестра.

Колюня критически оглядел женщину: ни то ни се, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

– Ладно, – согласился он. – Пошли!

В подсобном помещении, куда Света сноровисто притащила полбутылки чистого медицинского спирта, нехитрую закуску и сигареты с фильтром, они уютно устроились на сваленных в углу матрасах. Глотнув полстакана и зажевав соленым огурцом, Колюня с наслаждением курил сигарету, чувствуя, что действительно расслабляется. Рядом вздымалась часто дышащая упругая Светина грудь. «Она вполне ничего», – подумал охмелевший парень, запуская руку под халатик и расстегивая лифчик...

* * *

В то время, когда Колюня развлекался в подсобке с медсестрой, Кадий метался по сауне, изрыгая яростную брань. Такой день испорчен! Только избавились от проклятого Корейца, выпили, посмеиваясь, за упокой его души, и на тебе, новые проблемы! Савицкий Кадю давно не нравился, вызывал зависть его авторитет, широкая сеть точек, любовь молодежи района, которой Славик добился своей справедливостью, добродушным, незлобивым характером. К нему часто приходили за советом, за помощью. Он никого не отталкивал, начитался «Крестного отца», придурок? Понюхал бы ты зону, пожрал лагерной баланды, как Кадий в свое время! Не отсидев ни минуты, его людей пидорасами называет!

Алексей остановился около стола, налил стакан водки и залпом выпил. Закусывать не стал. Затем, не находя выхода душившейся злобе, яростно треснул кулаком по столу. Оба товарища удивленно главели на Алексея, но вопросов не задавали, ожидая, пока шеф успокоится.

Наконец, Кадиев опомнился настолько, что смог более или менее связно поведать о случившемся.

– Ну, – спросил он, – что посоветуете предпринять?

– Надо помириться с Савицким, – хмуро сказал Седой. – Война нам сейчас ни к чему.

– Понятно, – процедил сквозь зубы Алексей и повернулся к Валере, – ты что скажешь?

– Думаю, Седой прав, война не нужна! У Славки больше людей, а наши, в конце концов, сами нарвались!

– Идиоты, – тихо, почти ласково охарактеризовал приятелей Кадий. – Бараны безмозглые! Наши, значит, сами нарвались! Енот говорит, что не узнал пацанов Савицкого, думал, обычные лохи. Врет? Ладно, пускай врет! Хотя, может, спяну действительно не въехал. Но те, те-то не были пьяны! Савицкий с тех пор, как ему брюхо порезали, вообще не пьет! Однако вернулись второй раз, добились. Двое пацанов в реанимации, у Енота морда – сплошное месиво. Вот ты, Седой, сидел восемь лет, знаешь понятия. Что будешь делать, если тебя пидором обзовут?

– Убью!!!

– Правильно! Савицкий Енота педрилой назвал, обещал на четыре точки поставить! Как тебе это нравится? Молчишь? Ну и молчи! Славка здорово обнаглел, ни с кем не считается, мнит себя хозяином района, королем! Положим, мы спустим дело на тормозах, замнем. Что тогда? А тогда будет вот что: этот Северный район – большая деревня. Слухи разносятся со скоростью света, обрастая по дороге красочными подробностями. Местные станут говорить: кадиевские говно, их бьют все, кому не лень, одного даже опетушили и т. д., и т. п.

Валера с Седым подавленно молчали.

– Дальше – больше, – продолжал Кадий, – бригада потеряет авторитет, барыги обнаглеют, перестанут платить, останемся мы, братцы, с голыми задницами. Придется опять куда-нибудь перебираться. Хорошая перспектива!

Кадиев на время замолчал, налил водки, выпил залпом, закурил сигарету.

– Какие теперь будут предложения? – равнодушно спросил он, выпуская кольца дыма.

– Славку придется убрать, – хмуро сказал Валера.

– Наконец-то дошло! Лучше поздно, чем никогда. Теперь, пока не напились, давайте обсудим план действий.

И все трое склонились над столом, оживленно беседуя вполголоса.

Глава третья

На следующее утро Вячеслав Савицкий проснулся от острой боли в области сердца. Проклятая пуля давала о себе знать, к тому же зря он накануне так много выкурил анаши. «Анаша, анаша, до чего ты хороша, – без тебя, анаша, по утрам болит душа», – вспомнились слова популярной песенки. Да уж, хороша, нечего сказать! Наломал вчера дров. Именно проклятый «косяк» подтолкнул добывать кадиевских. Ольга тоже поспособствовала, истрепала нервы, стерва! Сегодня Славик трезвым умом понимал, что явно перестарался. Не нужно было ехать второй раз забивать ребят до полусмерти! Дали в морду – и хватит. Тогда бы при любом раскладе его пацаны считались правыми. А теперь?

Могут обвинить в беспределе, тем паче что Савицкий весьма неосторожно бросался словами, обозвал Енота пидором. Позвонить Кадиеву? Помириться? Ну уж нет. Во-первых, с этой сволочью вообще неприятно разговаривать, во-вторых, слухи пойдут: Савицкий Кадия обосрался, приполз просить прощения! И главное, у кого? У ублюдка, который, удирая из родного города, едва штаны не потерял от поспешности!

Конечно, Кадий вряд ли оставит инцидент без последствий. Выходит, война?! «Ну и пусть, пусть будет война, – в ярости подумал Славик. – Если победим – прекрасно, нет... Что ж, все мы смертны, к тому же надоело все вокруг, хоть волком вой! И не сейчас, давно уже. Тащился по жизни, едва передвигая ноги. Разные высоколобые называют подобное состояние «синдромом усталости» или «вирусом усталости». А, один черт! Жил, чтобы семью обеспечить. Ну куда этой инфантильной дуре деваться в нынешнее время. На что она годна? Разве только в проститутки! Хрен с ним, будь что будет». – Махнув рукой, Савицкий отправился на кухню готовить завтрак. Есть не хотелось, поэтому он решил ограничиться чаем. Послышалось утробное урчанье, и в кухне появился с несчастным видом кот Марсик, страдавший от лени, скуки и избыточного веса. Ради приличия ткнувшись носом в ногу, кот вяло мяукнул, давая понять, что не прочь подкрепиться.

– Куда тебе жрать, прорва! – добродушно упрекнул Слава, но все же достал из холодильника кусок говяжьей вырезки. – Лопай, обжора!

Неторопливо обнюхав угощение, кот вопросительно посмотрел на хозяина, понял по взгляду, что «райских птиц» сегодня не предвидится, и принялся неторопливо жевать. С трудом доев завтрак, Марсик хотел было вернуться в комнату, на мягкое кресло, где в полудреме проводил большую часть своей жизни, но почувствовал, что не может этого сделать. Тогда он свалился прямо посреди кухни пузом вверх, дожидаясь, пока переварится пища.

Савицкий неторопливо прихлебывал ароматный индийский чай без сахара, с усмешкой наблюдая за котом.

Послышался звонок в дверь. Пришел Виталик Буйнов, один из рядовых боевиков Савицкого.

– Привет, проходи, – радушно пригласил Славик. В отличие от некоторых других главарей банд, он никогда не надувался спесью. Зачем зря обижать людей? Другое дело, если провинятся. Тогда держитесь, а лучше сразу вешайтесь. Если же все в порядке, «привет, братишка, как дела?» – Присаживайся, – предложил Савицкий, указывая на стул. – Чаю хочешь?

– Нет, спасибо! – Что-нибудь стряслось? Рассказывай! – внутренне похолодел Славик. «Неужели опять проклятый Кадий?!» Но на этот раз Кадиев оказался ни при чем.

Вчера вечером, возвращаясь домой, Виталик зашел в небольшой ресторанчик перекусить. Его не смутило, что заведение принадлежало кавказцам, обнаглевшим за последнее время сверх всякой меры. Ресторанчик был до отказа забит «черными» джигитами, оживленно и громко переговаривавшимися на родном языке. Несколько случайных русских чувствовали себя здесь явно не в своей тарелке. Сделав заказ, Виталик закурил сигарету, дожидаясь, когда

принесут еду. Но официант не торопился. Прождав полчаса, Виталик решил выяснить, в чем дело.

– Слушай, да? Сэйчас будэт! Падажды мынута! Выдышь, сколько народа? – вальяжно ответил метрдотель.

Вернувшись на место, Виталик обнаружил, что стул его исчез, вернее, перекочевал к соседнему столу, за которым веселилась очередная компания «детей гор». В настоящий момент на Виталином стуле восседала местная шалава, визгливо хихикавшая в ответ на сальные шутки «джигитов».

Виталик направился к ним.

– Ребята, вы, наверное, ошиблись, – вежливо сказал он, – это мой стул!

Девушка тут же вскочила на ноги, безропотно возвратив требуемое.

Вернувшись к своему столу, Виталик хотел было уже сесть, как вдруг кто-то сзади выбил из-под него ногой стул, а когда он поднялся, то получил удар кулаком в лицо, на который незамедлительно ответил. Налетела толпа джигитов, и Виталику изрядно помяли бока, причем он тоже в долгу не остался. Когда ссора утихла, ставший яблоком раздора злополучный стул снова оказался во владении шалавы, а из кармана Виталика исчез газовый пистолет, которым он в драке не воспользовался. Гадко пускать слезоточивый газ в замкнутом помещении – еще сам наглотаешься!

– Верните газовик! – спокойно сказал Виталик джигитам.

– Вах, вах, какой газовик, нэ знаем никакой газавык! – нагло улыбаясь, ответили те.

– У меня лежал в кармане газовый пистолет, после драки он исчез. Прошу по-хорошему, отдайте!

– Ты, навэрна, ыво спьяну потырал! – осклабился самый здоровый из кавказцев, с нахальными круглыми глазами, напоминающими маслины.

– Вы слышали про Северный район? – по-прежнему хладнокровно спросил Виталик.

– Слушай, не надо пугать, морда быть будем!!! – наперебой заговорили кавказцы.

– Хорошо, как хотите, завтра ждите гостей! – Резко повернувшись, он вышел на улицу.

Вслед неслись раскаты издевательского хохота.

– Так, – заскрипел зубами Савицкий, – обнаглели чурбаны. Хозяевами себя почувствовали, обормоты! Значит, сказал про Северный район? Правильно, впредь будут знать!

С воодушевлением истинного стратега Славик принялся разрабатывать план карательной экспедиции, которую решил возглавить лично. Для начала он обзвонил шестерых ребят, занимавших в банде ключевые посты. Когда все собрались, Савицкий вкратце изложил суть дела.

– Давить черномазых, башки откручивать, – дружно загалдела возмущенная братва. – Едем прямо сейчас.

– Не гоните коней, – остудил их пыл Слава. – Я знаю этот кабак, там через два дома отделение милиции, действовать надо с умом... – Мирон, – обратился он к низкорослому рыжему парню с круглым лицом, густо усыпанным веснушками, – собери малюток и наведи шухер на местном рынке, чтобы ни одного черного не осталось. Только не переусердствуйте, трупов не надо!

Кивнув в знак согласия, Мирон молча вышел. Для начала Савицкий послал в ресторан разведку, чтобы досконально изучить предстоящий театр военных действий. Для этой цели он выбрал из числа собравшихся Кирилла, как обладателя наименее зверской физиономии. С глубоким воодушевлением все принялись обряжать его лохом. В первую очередь Кирилла переодели: вместо любимой кожанки и слаксов, он, скрепя сердце, облачился в свадебный костюм Савицкого, затем Славик, несмотря на отчаянное сопротивление, нацепил ему на нос очки с простыми стеклами и критическим взглядом оглядел результат своих трудов.

– Гм, неплохо, – выдал он наконец, – немного ссутулься, сделай испуганную морду. Хорошо, сойдет!

В ожидании результатов разведки все расселись вокруг стола, пустили по кругу «косяк». Не теряя даром времени, Савицкий рассказал о вчерашних событиях. Реакция была почти единодушной: давно надо было замочить гадов! Кадий вконец обурел! Выкинуть падлу из нашего города!

Иное мнение высказал только Юра Воронов, известный своей осторожностью.

– Кадий, конечно, сволочь, – сказал он, когда страсти несколько поутихли, – но сволочь опасная, мстительная. О примирении, я полагаю, не может быть речи, поэтому нужно держаться настороже. На открытую войну он сейчас вряд ли пойдет, однако вполне может выстрелить из-за угла. Тебе, Слава, теперь придется глядеть в оба.

Ребята было накинулись на Юру, обвиняя в паникерстве, но Слава резко оборвал их:

– Ворон дело говорит – от Кадия можно ждать любой пакости. Будем осторожны, не только я, все!

Тем временем вернулся из разведки Кирилл.

– Значит, так, у ресторана два выхода, у бармена за стойкой телефон, – рассказывал он, с наслаждением переодеваясь в свою одежду. – Есть подсобное помещение. Что там – неизвестно. Посетителей ползала. Все черные. За отдельным столиком три мордворота, ничего не едят, не пьют. Под одеждой у них, похоже, волыны. Вероятно, предупреждение Виталика подействовало. Напротив через дорогу другой кабак, тоже «черный». Там еще пять подозрительных жлобов. Между двумя кабаками, которые, судя по всему, принадлежат одному хозяину, курсирует мелкий чурка. Вот и все. Ах да! Если исходить из худшего, в подсобке может затаиться хмырь с автоматом.

Савицкий задумался: «Чурбаны явно нас ждут, разработали свой план, на который мы бы и попались, если б были малолетними идиотами. Трое за столом принимают на себя первый удар, или, что вернее всего, начинают разводить базар. Телефон у бармена наверняка спаренный. Он слегка стучит по трубке, в соседнем здании слышат сигнал. В спину нам заходят пять жлобов, под дулами автоматов кладут всех на пол и на распростертых телах танцуют лезгинку с криками: «Ас-са!» Гениально придумано! Эх, ослы, ослы! Не знаете вы, с кем имеете дело!

Савицкий громко рассмеялся:

– Вот что, ребята, действовать будем так.

* * *

В то время, когда Слава разрабатывал план нападения на кавказский ресторан, Мирон с группой бандитов приклатненного молодняка вершил возмездие на рынке. Сегодня была суббота. Рынок кишел покупателями и продавцами, среди которых добрую треть составляли «черные». Они держались важно, самоуверенно, заламывали за свой, надо сказать, очень качественный товар, дикие цены. Вдоль рынка выстроилась цепь коммерческих палаток, около которых тусовались опухшие алкаши, в бессмысленной надежде, что у кого-нибудь из приятелей найдется на бутылку. Мирон пересчитал своих подопечных. Шесть человек – не густо! «Ничего, – подумал он, – воюют не числом, а умением».

Для начала Мирон направился к большой зеленой палатке, хозяин которой платил за «крышу» Савицкому.

– Привет, Леночка, как идет торговля? – приветливо поздоровался он с хорошенькой продавщицей.

– А-а, – махнула та рукой, – какая может быть торговля, одна пьянь голозадая кругом.

– Как тебе не стыдно, Лена?! – театрально возмутился Мирон, намеренно повышая голос, чтобы слышали алкаши. – Это ж наши люди, русские.

В глазах измученных похмельем мужиков загорелась надежда.

– Вот что, милашка, – обернулся Мирон к продавщице. – Дай сюда ящик водки и пятнадцать стаканов. Запишешь на Славкин счет!

Равнодушно пожав плечами, Лена исполнила требуемое.

– Угощайтесь, ребята! – великодушно предложил Мирон и, не слушая благодарностей, двинулся к торговым рядам. По дороге он подмигнул своим пацанам: «Пора приступить к намеченному плану».

Первой жертвой он выбрал толстого носатого азербайджанца, важно восседавшего на перевернутом ящике. Перед ним высилась гора спелых помидоров. В кармане хрустела внушительная пачка денег.

– Простите, сколько стоят помидоры? – робко спросила бедно одетая женщина средних лет и, услышав ответ, всплеснула руками: – Боже, какой ужас!

– Нэту дэнэг, да? Ты ныщый? Тада нэ ходы на рынок! – громко ответил торгош.

Женщина залилась пунцовой краской. Казалось, она вот-вот заплачет. Но тут в дело вмешался Мирон:

– Ты что, черножопый, наших женщин обижаешь?! Езжай к себе домой, там наглеть будешь!

Азербайджанец изумленно разинул рот и вскочил на ноги, а Мирон тем временем сгреб с прилавка как минимум килограммов пять помидоров и запихал их растерявшейся женщине в сумку.

– Грабрут! – опомнился наконец торгош, и в этот момент Мирон изо всех сил врезал ему в челюсть. Толстяк плюхнулся задом прямо на асфальт, а один из Мироновых ребят разломал об его голову деревянный ящик, только что служивший торговцу сиденьем.

Остальные пацаны двинулись вдоль рядов, переворачивая лотки с товаром южных гостей и лупя продавцов чем попало.

– Люди! Чурки русских бьют! – завопил Мирон на весь рынок, хотя в действительности дело обстояло совсем наоборот. – На помощь!

Призыв не остался без внимания. Первыми на него откликнулись опохмелившиеся пьянчуги, быстро сообразившие, что у черных есть чем поживиться. Они-то и составили ядро возмущенных народных масс. Постепенно драка сделалась всеобщей. Скоро в ней уже принимали участие продавцы других национальностей, недолюбливавшие наглых, заносчивых южан. Кавказцев били ящиками, подносами, выломанными из забора штакетинами, даже арбузы об головы раскалывали. Кое-кто по ходу дела отнимал деньги. Доселе мирный рынок напомнил теперь побоище, какие случаются между болельщиками соперничающих команд американского футбола.

Убедившись, что все идет как надо, Мирон быстро собрал своих.

– Теперь линияем по-тихому, братва, – сказал он, – сейчас мусора нагрянут.

Мирон оказался прав. Едва они успели отъехать, на рыночную площадь ворвалось пять милицейских машин, воющих сиренами и сверкающих мигалками.

В это самое время к злополучному кавказскому ресторану тихо подъехали три битком набитые машины во главе с черным «БМВ» Савицкого. Из них высыпало пятнадцать ребят. Роли были заранее распределены. Двое пацанов ринулись к черному ходу, трое, получившие инструкцию всех впускать, но никого не выпускать, стали у парадного, остальные вошли внутрь. Слава вытащил из-под плаща автомат «узи» и навел на опешившую публику. Его боевики тоже не дремали: один бросился в подсобку, где, вопреки ожиданиям, вместо автоматчика оказалась только насмерть перепуганная посудомойка, другой перерезал ножом телефонный провод, третий, наставив на отдельно сидевших мордovorотов автомат, скомандовал: «Руки на стол», четвертый обыскал их, с удовлетворением обнаружив два «макарова» и один ТТ. Остальные блокировали столики, за которыми сидели кавказцы. Посреди зала остались Слава

с Виталиком. Все эти события происходили в одно и то же время. Никто даже опомниться не успел.

– Так-так! – ехидно пропел Савицкий. – Пересрали, черножопые?! Думаете, в России можно борзеть, как угодно?!

– Слюшай, пагады, брат, – льстиво начал столь надменный вчера метрдотель, но вместо ответа Слава резко ударил его кулаком в лицо.

– Какой ты мне брат, падло?! Засунь язык в жопу! Вчера здесь обидели моего парня! – обратился он к остальным. – Человек ничего плохого вам не сделал, даже после того, как на него напали, пытался объясниться по-хорошему. Вы же, насколько я вижу, человеческого языка не понимаете. Поэтому с вами будем говорить по-другому. Лечь на пол, быстро! – вдруг заорал Савицкий диким голосом. – Всех перестреляю! Виталик, – обратился он к товарищу. – Выбери из этого говна тех, кто был вчера, а ты, Серега, вытряси кассу.

Пока Серега выгробал выручку у всхлипывающего бармена, пока вытрясал белого словно мел метрдотеля, Виталик старательно разыскивал вчерашних знакомых. Это было не просто, поскольку для него, коренного жителя Н-ска, все кавказцы казались на одно лицо. Наконец, он все же выявил четверых. – Они твои, – великодушно разрешил Савицкий.

Вчерашние «джигиты» имели теперь на редкость жалкий вид и даже не помышляли о сопротивлении. В первую очередь Виталик занялся бугаем, с глазами-маслинами, который давеча утверждал, что газовик «спьяну патэран». Ногой в пах, ребром ладони по шее, мордой об стол.

– Спьяну, говоришь? – рычал взбешенный Виталик. – Сейчас ты у меня выпьешь! – С этими словами он разбил о голову бугая взятую со стойки бутылку дорогого коньяка. Тот, потеряв сознание, грудой осел на пол.

Развернувшись на каблуках, Виталик, не теряя даром времени, врезал пяткой в грудь следующему. Тот отлетел прямо на Савицкого и, получив коленом по почкам, упал, извиваясь от боли. Третьему достался удар ладонью снизу, тут же превративший нос в окровавленную лепешку. Четвертый попытался сопротивляться, и вот ему-то влетело больше всех. Виталик избивал его долго, упорно и напоследок плюнул в разбитое лицо. В этот момент в ресторан зашел «мелкий чурка», в обязанности которого входило в сегодняшний день поддерживать связь между двумя филиалами, на тот случай, если откажет телефон. Надо сказать, что мелкий он был только по росту, а так довольно коренастый, лет сорока.

Увидев происходящее, он попытался смыться, но жестоким ударом приклада Слава уложил его на пол.

– Давайте, ребята! – махнул он остальным, и те принялись усердно претворять в жизнь вторую часть плана: бить видеоаппаратуру, мебель, кромсать ножами скатерти. Напоследок собрали со стойки все бутылки и раскололи об пол. Воздух загустел от запаха разлитого спиртного, под ногами хлюпало. – Угощайтесь, халява! – ехидно предложил Савицкий, указывая кавказцам на залитый винами и коньяком пол и, уже направляясь к двери, добавил: – На будущее даю вам хороший совет – будьте любезнее с посетителями!..

Удачно исполненная карательная экспедиция привела Славу в хорошее настроение, которое не оставляло его до самого дома. Однако у дверей собственной квартиры Савицкого едва не хватил удар. У порога стояла крышка гроба и роскошный траурный венок.

«Боже, – подумал он, хватаясь за мучительно заболевшее сердце. – Неужели с Ольгой или с ребенком что случилось!» Но, прочитав надпись на венке, он понял: Ольга тут ни при чем. Затеяливо выполненная надпись, гласила: «Вячеславу Савицкому от друзей. Мир праху твоему». Кадий объявил войну.

Глава четвертая

Рано утром зазвонил телефон. Савицкий не сразу услышал его, сегодня почему-то спалось на редкость крепко, да и сон был приятным: огромное озеро, окруженное белоснежными березами. Зеленый луг, по которому он гулял под руку с Таней, своей первой, юношеской любовью.

Проклятый настырный звонок отобрал все это. С трудом разлепив глаза, Слава взял трубку.

– Слушаю, – сердито буркнул он.

– Получил подарок? – осведомился незнакомый голос.

– Кто говорит?!

– Ты мертвец, понял? Мертвец! – В трубке послышались короткие гудки.

– Мудак ты, Кадий, – равнодушно сказал Савицкий, хотя, кроме кота, никто его слышать не мог. – К чему такие дешевые эффекты?

Он попытался снова заснуть, хотелось опять очутиться на зеленом поле вместе с Таней, но ничего не получалось. Когда же наконец стало возникать ощущение дремоты, предвещавшее благодатный сон, телефон зазвонил снова. На сей раз это оказалась жена. Предлагала встретиться, помириться. Небось увидела в магазине роскошную побрякушку, вот и вспомнила о муже!

– Оля, пойми, нам нельзя сейчас вместе жить, – терпеливо объяснял он. – Нет, не завел другую бабу. Просто у меня крупные неприятности. Тебе следует держаться подальше. Да перестань ты о бабах! Скажи лучше, сколько денег нужно! Сколько? Хорошо, сегодня занесу!

«Вот вам и любимая жена, – грустно подумал он, вешая трубку на рычаг, – даже не спросила, какие неприятности, зато при упоминании о деньгах сразу успокоилась! Какого хрена женился?»

Не найдя ответа на этот любопытный вопрос, он плюнул в сердцах, потом покормил кота и неожиданно для себя решил поехать на природу.

Погода выдалась хорошая. Настоящее бабье лето. Уже стоя у дверей, Савицкий подумал, что не мешало бы прихватить оружие. Если Кадий объявил войну, удара можно ожидать в любой момент.

Несясь на бешеной скорости по шоссе, он с наслаждением вдыхал бьющий через открытую форточку ветер. Он любил быструю езду, а еще – животных и осенний лес. Как там, должно быть, красиво теперь, а главное, тихо: не слышно людского гама, ругани, сопения. Увлеченный подобными мыслями, Савицкий не обратил внимания на синий «шевроле», упорно следующий в отдалении за ним. У опушки леса Славик затормозил, закрыл машину и углубился в заросли. Боже, до чего хорошо! Почему теперь так редко удается выбраться в лес? В детстве он ходил сюда часто, пек с мальчишками-приятелями картошку на костре, когда стемнеет, любовался на мерцающее пламя. Как давно все это было!

Позади хрустнули ветки. Слава насторожился, прислушался: осторожные, крадущиеся шаги. Не искушая судьбу, он ничком упал на землю. Как выяснилось, вовремя. Автоматная очередь с треском разорвала прозрачный воздух. Откатившись в сторону, Савицкий спрятался за поваленное бревно и притворно застонал. Пускай думают, что он ранен, тогда придут добивать. Уловка сработала. Из кустов вышел один из кадиевских ребят, с «калашниковым» в руках. Настороженно озираясь, он двинулся к бревну, из-за которого слышались стоны. Аккуратно прицелившись, Слава выстрелил из своего ТТ. Пуля попала прямо в сердце. Парень выронил автомат, удивленно разинул рот и грохнулся навзничь. В лесу воцарилась тишина. Некоторое время Савицкий ждал – не появится ли еще кто. Прошло полчаса. Никто не приходил. Очевидно, убийца приехал один. Осторожно поднявшись, Слава подошел к несостоявше-

муся киллеру. Парень лежал на жухлой траве, раскинув руки и запрокинув бритую голову. В широко открытых зеленых глазах застыло удивление. Симпатичное молодое лицо было смертельно бледно. Совсем мальчишка, не больше двадцати лет. На мгновение в сердце Савицкого шевельнулась жалость, но он тут же отогнал ее в сторону. Какого черта, этот бык хладнокровно стрелял ему в спину, а потом небось гордился бы, бахвалился, как лихо завалил Славу.

Выйдя из леса, он обнаружил синий «шевроле», принадлежавший кадиевцу. Машина была пуста. Убийца действительно явился один. Какая глупость! Тачка наверняка угнанная, вряд ли на своей на мокруху поедут. Ну и пусть здесь стоит, вот ментам радость будет! Однако труп необходимо спрятать, не хватало, чтобы легавые рыться начали. Без них хлопот достаточно. Вернувшись к убитому, Слава тщательно собрал все гильзы, присыпал землей и листьями следы крови. Ее, впрочем, было не так уж много. Хорошо, что не в голову стрелял! Затем подогнал поближе свою машину, туго перетянул рану мертвеца его собственной рубашкой и с трудом запихал тело в багажник. Здоровый кабан оказался! Куда его теперь? В реку? Всплывет рано или поздно. Закопать? Тоже полной гарантии нет. Ах, ну да, как он мог забыть? Есть же Федька-могильщик, за которым остался неоплаченный должок! Савицкий, подобно дону Корлеоне, никогда не отказывал людям в помощи: во-первых, по причине врожденного добродушия, во-вторых, из соображения – авось пригодятся! «Иногда самый маленький, незаметный человек может оказаться полезен. Ну, а если нет – бог с ним», – рассуждал Слава.

* * *

В тот раз Федька-могильщик, азартный игрок, крупно проиграл в карты своим товарищам по работе. На кладбище трудились в основном бывшие зэки, и порядки там были соответствующие. Федьку недвусмысленно предупредили: через два дня не расплатишься, посадим на нож. Карточный долг – святое дело! Тут бы Феде и конец пришел, да, на его счастье, кто-то надоумил обратиться за помощью к Савицкому.

– Карточный долг действительно святое дело, – внимательно выслушав, сказал Славик и достал из буфета пачку денег. – Держи, отдашь ребятам. Не волнуйся, сроки назначать не стану! Вернешь, когда сможешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.